

РОНАЛЬД Ф. ФЕЛЬДШТЕЙН
Блумингтон

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОТРАЖЕНИЯ ДИФТОНГОВ НА ПЛАВНЫЕ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ ТИПА *PŁÓTNO, KRÓL, WE MŁODOŚCI*

1. ВВЕДЕНИЕ

Главная тема настоящего доклада – качественная и количественная эволюция общеславянских внутренних (инлаутных) дифтонгов на плавные¹. В частности, речь идет об отражении этих сочетаний в современном польском языке. История этих групп ставит исследователя перед рядом проблем и загадок, которые решаются по-разному в лингвистической литературе. Так как предложенные решения часто исключают друг друга, стоит еще раз рассмотреть эти решения и оценить их научную ценность по отношению к фактам польского языка. Среди важнейших вопросов – количественная эволюция первоначально долгих дифтонгических (двухморных) слогов в истории отдельных славянских зон. С одной стороны, во всей южной зоне славянского ареала² мы встречаем отражения типа *trat*, которые обычно интерпретируются как долгие, потому что гласный *a* рассматривается как отражение долгого гласного. В восточной зоне встречаем известное полногласное отражение *torot*, где каждый из двух гласных оценивается как краткий, одноморный гласный. Поэтому, можно с уверенностью сказать, что и в южной и в восточной зонах первоначальные дифтонги на плавные отражены как двухморные сочетания; так же нет сомнений по поводу того, к каким гласным следует приписать эту двухморность. С другой стороны, в лехитс-

¹ В дальнейшем изложении они обозначены формулой *tāřt*.

² Южнославянские языки вместе с чехо-словацкой группой – в дальнейшем: южная зона.

ко-лужицкой зоне (включая польский язык), встречаем один гласный звук *o* в аналогичных отражениях (т.е. *trot*), но гласный *o* в истории славянских языков обычно считается потомком краткого гласного общеславянского языка. На первый взгляд, лехитско-лужицкая ситуация как будто противоречит данным других зон, но при более пристальном рассмотрении становится ясным, что имеем дело с более сложным явлением исторической фонологии.

План доклада следующий: сначала рассмотрим некоторые из самых известных трактовок интересующей нас эволюции дифтонгов на плавные, а потом будет доказано, что сложность вопроса связана с тем, что долгие гласные среднего подъема \bar{e} , \bar{o} не сразу приобрели самостоятельный фонематический статус в истории польского языка. На пути к становлению этих фонем, польский язык испытывал известные нам процессы изменения дифтонгов на плавные, что создало особую ситуацию развития этих дифтонгов в лехитско-лужицкой зоне. К концу доклада будет сделана попытка установить относительную хронологию тех перемен, которые непосредственно связаны с развитием дифтонгов. Самые главные перемены этого типа – сокращение старого количества в корнях акцентных парадигм А и Б, что привело к фонологизации новых долгих фонем среднего подъема, и метатеза (перестановка) плавных согласных. Подчеркиваю, что конкретное проявление перестановки плавных (*ra* или *oro*) – это косвенный намек на фонемный статус новых долгих гласных.

2. ОБЩЕСЛАВЯНСКИЕ ДИФТОНГИ НА ПЛАВНЫЕ В ТРАКТОВКЕ Р. О. ЯКОБСОНА

Известная татья Романа Якобсона (1952, с. 306–308) посвящена эволюции общеславянского сочетания **tǎřt* во всех славянских зонах. Якобсон предполагает, что дифтонг общеславянского языка состоял из двух мор – одна из которых принадлежит гласному, а другая плавному. Хотя автор об этом открыто не заявляет, главные положения Якобсона сводятся к тому, что в трех главных зонах произошли следующие изменения:

1. Плавный утрачивает статус моры, теряя слогаобразующий признак.
2. В качестве компенсации за потерянную мору плавного, образуется заместительная мора в виде гласного или перед плавным (т.е. слева) или после плавного (т.е. справа от плавного).

Суть предложения Якобсона (1952, с. 306–307) о развитии группы **tǎřt* в трех главных славянских зонах показана в таблице 1.

Таблица 1

Имплицитная хронология Якобсона развития **iärt* в трех главных славянских зонах

Южнославянская/чехо- словацкая зона	Восточнославянская зона	Лехитско-лужицкая зона
1. <i>iärt</i> > <i>iärt</i> Компенсация слева, перед плавным, за утраченную мору	1. <i>iärt</i> > <i>tàràt</i> Компенсация справа, после плавного, за утраченную мору	1. <i>iärt</i> > <i>třát</i> Перестановка плавного
2. <i>iärt</i> > <i>trāt</i> > <i>trāt</i> Перестановка плавного	2. Нет перестановки плавного так как плавный больше не закрывает слог, в результате действия первого правила	2. <i>třát</i> > <i>třràt</i> > <i>třrot</i> Компенсация слева, перед плавным, за утраченную мору
3. Мена долгого гласного: <i>ā</i> > <i>ā</i>	3. Мена краткого гласного: <i>ā</i> > <i>o</i>	3. Мена краткого гласного: <i>ā</i> > <i>o</i>

Одноморный плавный обозначен знаком ř.

Можно сказать, что схема Якобсона удачна в том смысле, что она охватывает общеславянскую утрату слогового признака плавного и последующей заместительной вставки моры или перед плавным или после него (т.е. или слева или справа). Сохраняется первоначальный двухморный признак общеславянского дифтонга, или в виде единого долгого гласного в южной зоне, или в виде полногласия в восточной и лехитско-лужицкой зонах. Главный недостаток якобсоновского объяснения – это трактовка лехитской зоны посредством полногласия, что восходит к статье Яна Розвадовского (1909, с. 186–189) о замеченных следах редуцированных в древнепольских текстах, особенно в предлогах, которые сочетаются с группой **tärt*, напр. *we proch* < **vъ pъroхъ*. Конечно, первый еровый гласный корня – слабый редуцированный, который выпадает во всех подобных сочетаниях, оставляя только второй гласный корня *o*, который Якобсон вынужден считать кратким из-за предполагаемого полногласия. Однако, этот гласный ведет себя как долгий в истории лехитско-лужицкой зоны, что было доказано Аланом Тимберлейком (1985, с. 422–423). Интересно, что сам Якобсон в своей статье (1952, с. 308) заметил, что все же не удалось устранить „загадочные детали вопроса, в частности отношении этих групп к интонации и к так называемому новому акуту”.

Таким образом, польские отражения группы **tärt* дают *trot* с краткостным гласным *o* в акцентных парадигмах А (напр. *krowa*) и С (напр. *glowa*), но *trót* с долготным рефлексом в парадигме В (напр. *król*, *króla*). Это говорит о том, что польский гласный *o* был долгим и двухморным, но сократился в парадигмах А и С, сохраняя первоначальную долготу в парадигме В. Это

аналогично всем другим долгим гласным в истории польского языка; польские носовые гласные (первоначально это тоже долгие дифтонги) ведут себя так же. Различные отражения польского *trot* в разных акцентных парадигмах показаны в таблице 2.

Таблица 2

Польские отражения дифтонгов на плавные, по сравнению с другими долгими и краткими отражениями

Акцентная парадигма А	Акцентная парадигма В	Акцентная парадигма С
Отражение краткости: <i>krowa mięta</i> <i>groch gęba</i> <i>stoma pęto</i>	Отражение долготы: <i>bruzda (brózda)</i> <i>mąka</i> <i>król, króla</i> <i>kąt</i> <i>plótno</i> <i>sąd, sądu</i>	Отражение краткости: <i>głowa, głowę</i> <i>ręka, rękę</i> <i>proch</i> <i>sep</i> <i>kłos</i> <i>mięso</i>
	Отражение краткости: <i>osa koza</i> <i>żona pop</i> <i>kot</i>	Отражение краткости: <i>woda, wodę</i> <i>pot, potu</i> <i>dom, domu</i>

Согласно данным второй таблицы, явствует, что гласные *o*, *e* в польских сочетаниях *trot*, *tret* дают отражения долготного типа и, следовательно, во время перераспределения долготы в разных акцентных парадигмах, были долгими. Т.е. во всех словах парадигмы В, сочетание *trot*, наряду с носовыми, дает долгие отражения в современном языке, в то время как исконно краткие дают краткие отражения, даже в рамках парадигмы В (напр. *kot*, *kota*). Так как акцентная парадигма В характеризуется предконечным или новоаккутовым ударением, одного новоаккутового ударения недостаточно для объяснения долготы таких слов, как *król*, *króla*. Общая акцентная парадигма этих слов хорошо видна на примере русских *комá*, *короля́*. Таким образом, долготы *o*, *e* в сочетаниях *trot*, *tret* должна была раньше присутствовать для отражения долготы в настоящее время.

Поэтому, предложение о том, что польские отражения *trot* раньше характеризовались полногласием, как восточнославянские, просто неадекватно для простого объяснения отражений современного польского языка. Можно даже сказать, что приведенные Розвадовским примеры, доказывающие наличие польского полногласия с еровым гласным в первом слоге типа *třrot* (напр. *we głowę*, *we młodości*), ставят исследователя в тупик, потому что если бы одновременно существовали и одноморный еровый гласный Розвадовского, и долгий *o*, необходимый для правильной деривации нужной долготы (*król*, *króla*), лехитско-лужицкие дифтонги восходили бы не к двухморным дифтонгам, а к трехморным, что явно неприемлемо. Ниже вернемся к этому вопросу,

но уже ясно, что польская полногласная схема не соответствует данным парадигмы В. Т.е. долгота гласного *o* и наличие ерового гласного Розвадовского – это несовместимые понятия.

Кроме того, можно заметить, что схема Якобсона не мотивирует различия между славянскими зонами (ср. таблицу 1). Хотя все зоны утрачивают слоговую мору плавного, в одних зонах новая компенсаторная мора появляется с левой стороны от плавного, а в других с правой. Согласно традиционной трактовке вопроса, компенсация справа от плавного исключает перестановку плавного в восточнославянской зоне, но все же могла и быть компенсация слева во всех славянских зонах. Ниже предложу другую схему, которая устраняет эту немотивированность.

3. ПОДХОД З. ШТИБЕРА К ПОЛЬСКИМ ОТРАЖЕНИЯМ **iärt*

Здзислав Штибер (1962, с. 23) точно описывает проблемы, которые возникают при деривации слов типа *król*, *króla* из краткого гласного *o*, что было неизбежно для тех, кто принял тезис Розвадовского о еровом гласном в первом слоге. Штибер так и не разрешил проблему, но прекрасно отдавал себе отчет в неадекватности предложенных решений:

Nie wiemy, jak długo działały na rozwój iloczasu dawne lechickie stosunki intonacyjno-akcentowe. Jeśli przyjmiemy, że wyraz *król* pochodzi ze stniem. *Karl*, to uderza tu fakt istnienia dawnej długości (dziś „pochylenie”), której nie możemy tłumaczyć ani wzdłużeniem zastępczym (gen. *króla!*), ani tym bardziej ściągnięciem. Fakt, że i po czesku mamy tu długość (*král*, gen. *krále*), oraz akcent w rosyjskim *koról* każą przyjąć w praformie **korľ* intonację „nowoakutową”, która jeszcze widocznie w IX w. istniała i powodowała wzdłużenie *o*.

Предложение Штибера о новоакутовой интонации слов типа *król* тоже не решает задачу. Если бы слова *król*, *króla* были примером краткого нового акута, они бы ничем не отличались от *kot*, *kota*, но отражения гласного совсем разные в этих случаях. Однако, несмотря на эти факты, несколько лет спустя Штибер (1969, с. 40) повторяет взгляд, что гласный *o* в группе *trot* был кратким: „na terenie Polski, a bezwyjątkowo na obszarze Łużyc zaszła metateza *tart* bez wzdłużenia samogłoski, skutkiem czego powstały formy, jak pol. *wrona*, *broda*, *strona*”.

4. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ *ǣ* > *ǫ* И РАЗВИТИЕ ЛЕХИТСКО-ЛУЖИЦКОГО *trot*

Штибер (1969, с. 36–37) несомненно был прав, когда сказал, что общеславянское качество гласного **iärt* – это *tart*, а не *tort*, как иногда считается, т.е. в позднем общеславянском количественные оппозиции не были сопровождаемы избыточными качественными различиями типа польского „pochylenia”. Поэтому, качественное изменение кратких гласных нижнего подъема в сторону

среднего подъема ($\check{a} > \delta$, $\check{ä} > \epsilon$) возникло только в период отдельного развития славянских языков.

По поводу качественного изменения кратких, Хеннинг Андерсен (1973, с. 10) первым установил причину, почему гласные *a*, *ě* отражены в южной зоне, в дифтонгах на плавные (*trat*, *trět*), в то время как гласные *o*, *e* представлены в обеих северных зонах. Андерсен заявляет, что эта изоглосса „не отражает предполагаемое удлинение гласных”, но происходит потому, что качественная мена краткого $\check{a} > \delta$ и краткого $\check{ä} > \epsilon$ произошла до изменений дифтонгов на плавные в южной зоне, но после них в лехитско-лужицкой зоне *trot*. Эта идея Андерсена вводит в научный оборот следующую относительную хронологию (ср. таблицу 3).

Таблица 3

Относительная хронология качественной мены краткостей и сочетаний **tärt*

Южная зона	Лехитско-лужицкая зона
1. <i>tärt</i> > <i>trät</i>	1. $\check{a} > \delta$ (<i>tärt</i> > <i>tört</i>)
2. $\check{ä} > \epsilon$	2. <i>tört</i> > <i>tröt</i>

Исследователи могут еще оспаривать прапольскую формулу *tröt* ввиду доказательств Розвадовского в пользу конкурирующей полногласной формулы **t̃rot*. Тем не менее, разъяснение Андерсена удачно в том смысле, что теперь понятно почему южнее одной линии встречаются только гласный *a* (*trat*) и отражения гласного *amь* (*trät* или *trět*), но севернее этой линии отражены только *o*, *e* (т.е. *trot*, *trēt*). Эта линия является исторической изоглоссой более раннего изменения качества кратких.

5. ЗАГАДКА **t̃rot*/**tröt* И ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТИМБЕРЛЕЙКА

Алан Тимберлейк (1985, с. 426–427) не называет Розвадовского по имени в ходе обсуждения формы **t̃rot*, но он все же допускает существование этого полногласного конструкта в истории лехитско-лужицкой зоны. В то же самое время, Тимберлейк выступает за долготу гласного *o* в сочетании *trot*. Ввиду того, что это как будто несовместимые понятия, как же автор оправдывает одновременное существование обеих формул? Выступая за действие этих двух законов, которые, казалось бы, исключают друг друга из-за чрезмерного количества мор, Тимберлейк (1985, с. 427) предлагает, что на фонетическом уровне могли существовать дробные моры (нр. половина или четверть моры), которые разрешают проблему существования полногласия долготы второго гласного. Согласно теории Тимберлейка, промежуточные стадии таковы: *töř^at*, *törät* и *t̃röt*. Конечно, ввиду возможности половинчатых

мор, общий итог мор в этих отражениях *trol* всегда равняется только двум. На мой взгляд, это слабая сторона аргументации автора, потому что можно предложить сколько угодно половинчатых гласных и все же утверждать, что там ровно две моры. Теоретическая установка Тимберлейка такова: на фонетическом уровне происходил длительный, постепенный процесс перестановки плавного; в ходе этого процесса был момент, когда могли сосуществовать, и еровый гласный, и долгий гласный, благодаря присутствию дробных мор. Тимберлейк называет эту схему недискретной, отвергая обычную дискретную модель и относительную хронологию. Предложение Тимберлейка вызывает много вопросов. Почему только в лехитско-лужицкой зоне сосуществуют и полногласие и удлинение гласного? Почему это исключено в других зонах? Что именно привело к этому?

6. КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ СТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ ДОЛГИХ ФОНЕМ *ɛ*, *ø*

На основании тезиса Андерсена, можно сказать, что главная причина развития различных славянских отражений дифтонгов типа **tǎrt* – это тот факт, что в северных славянских зонах произошло качественное изменение кратких гласных нижнего подъема *ǎ, ǎ > ě, ø*, еще до компенсаторного удлинения за счет моры плавного. Таким образом, более поздний процесс компенсации приводит к вставке второй моры *ě, ø* (уже не *ǎ, ǎ*). Образуется сочетание нового типа – две краткие моры среднего подъема подряд, с которым система должна справиться на фонологическом уровне. Перед системой два пути разрешения вопроса: или сохранение обеих отдельных кратких мор или фонологизация новой долготы среднего подъема. Надо подчеркнуть, что в южной зоне компенсация за плавный не привела к появлению нового сочетания типа *øǎ*, потому что там еще не было кратких гласных среднего подъема и новое компенсаторное сочетание состояло из двух кратких *ǎ*, которые автоматически оценивались как долгий гласный *ǎ*. Можно считать, что любое компенсаторное удлинение за утрату слогового плавного происходит слева от плавного, так же как компенсация за слабый редуцированный в левом направлении. Предполагаемая последовательность перемен в южной зоне можно описать так:

Таблица 4

Компенсация и метатеза в южной зоне

Южная зона
1. <i>tǎrt > tǎǎrt</i> (плавный утрачивает мору и заместительная мора образуется слева)
2. <i>tǎǎrt</i> оценивается фонологически как [tǎrt]
3. <i>tǎrt > trǎt</i> (метатеза плавного и гласного)
4. <i>ǎ > ø</i> (качественное изменение кратких нижнего подъема, уже без отношения к дифтонгам на плавные)

По сравнению с описанной в таблице 4 хронологией, в лехитско-лужицкой зоне четвертое изменение является первым, что приводит к новым сочетаниям *ǫǫ*, *ěě*, которые не могут быть сразу оценены как один долгий фонематический сегмент. Сразу же после их появления, предполагаю, что они были оценены как сочетания двух кратких гласных. Это особенно важно по отношению к перестановки плавного, потому что можно ожидать, что при перестановке плавный отодвигается назад на один сегмент. Если в позиции перед плавным система усматривает две краткие единицы *ǫǫ*, то перестановка плавного на один сегмент даст полногласие *ǫrǫ*, т.е. плавный отодвигается на один сегмент. Но если система уже успела включить сочетание *ǫǫ* в качестве долгого гласного и оценить его как один сегмент, то перестановка плавного даст правильный прапольский (и пралехитско-лужицкий) результат *trǫt*. Самый главный вопрос не в постепенности метатезы плавного, в духе статьи Тимберлейка, а в том, какова позиция плавного после перестановки – между краткими гласными или перед единым долгим гласным. В этой связи, можно предполагать, что в восточнославянской зоне, количество вообще утрачивалось в пользу силового ударения и не могло быть речи о включении долгого *ǫ* в фонологическую систему. Поэтому, в восточнославянском языке компенсаторная мора могла быть вставлена с левой стороны, но при метатезе плавный занимает позицию между гласными, создавая полногласие.

В лехитско-лужицкой зоне, когда образовался конструкт **tǫǫrt*, какие факторы могли способствовать включению нового долгого *ǫ* в систему? В первую очередь это процесс сокращения долгих в акцентных парадигмах А и С. Когда первоначально долгий *ǫ* сокращается в парадигме А (напр. *rǫkǫ* > *rǫkǫ*), новый краткий *ǫ* противопоставлен по качеству *ǫ*, а по количеству гласному *ǫ* парадигмы В, который остается долгим (напр. *trǫva*); таким образом уже есть три фонемные единицы [*ǫ*, *ǫ*, *ǫ*] и [*ǫ*] является как бы естественным пробелом в системе, который система склонна восполнить. Поэтому, если сочетание *ǫǫ* появляется на фоне существующих [*ǫ*, *ǫ*, *ǫ*], новая фонема [*ǫ*] легко может войти в систему.

Ввиду этих соображений предлагаю следующий ход событий: сначала изменилось качество кратких, а потом плавные утрачивают морообразующую способность и соответственно образуется мора перед плавным. Следующее изменение: просодическое сокращение в парадигмах А и С; это главная причина фонологизации [*ǫ*, *ǫ*]. Когда начинается следующее изменение – перестановка плавного – новый долгий фонемный статус гласного приводит к тому, что плавный занимает позицию слева от гласного *ǫ* (т.е. *rǫ*). Что касается относительной хронологии, появление заместительной моры должно было предшествовать просодическому сокращению, потому что долгие типа **kǫrva*, **gǫrxǫ* подвергаются сокращению в польском. При этом, так как

просодическое сокращение фонологизирует долгие гласные среднего подъема, это сокращение должно было предшествовать метатезе. Относительная хронология показана в таблице 5.

Таблица 5

Компенсация и метатеза в лехитско-лужицкой зоне

Лехитско-лужицкая зона
1. $\check{a} > \bar{o}$ (качественное изменение кратких: $i\check{a}rt > i\bar{o}rt$)
2. $i\bar{o}rt > i\bar{o}drt$ (плавный утрачивает мору и заместительная мора образуется слева)
3. Просодическое сокращение вводит новые оппозиции: [ɔ] (<i>rōkь</i>), [ā] (<i>rākь</i>), [ā] (<i>trāva</i>)
4. $i\bar{o}drt$ фонологически оценен как tōrt
3. $i\bar{o}rt > tr\bar{o}t$ (метатеза плавного и гласного)

Что касается доказательств Розвадовского в пользу конструкта **t̄rōt*, возможно, что по диалектам были случаи метатезы до фонологизации \bar{o} , т.е. до просодического сокращения, что привело бы к полногласию. Во всяком случае, в подавляющем большинстве диалектов фонологизация \bar{o} кончилась до метатезы. В восточнославянской зоне все было наоборот. Фонологизации \bar{o} так и не было, а плавный мог отодвинуться только на один сегмент, что дает полногласие. Надо отметить, что по мнению большинства исследователей, компенсаторная мора вставляется после плавного в восточнославянской зоне. Но, тем не менее, связь с количеством очевидна. Словами Владимира Колесова (2005, с. 85), „разложение долготы на составляющие ее моры происходило после утраты количественных противопоставлений”.

Андрей А. Зализняк (2004, с. 40–41) пишет, что в новгородских диалектах возможно и отражение польского типа, напр. *zloto*. Вполне возможно, что это отражает присутствие долготы в данном говоре во время метатезы плавных, но поскольку нет отражений долготы в настоящее время, мы не знаем точно, а возможно, что это более позднее изменение. Что касается второго полногласия и многочисленных написаний типа *t̄r̄yt*, как в новгородском, так и других говорах (ср. Зализняк, 2004, с. 49), и здесь можно предполагать двойной (еровой) гласный плюс плавный: *ь̄r̄*. Так как эти два сегмента (две моры) не сливаются в один, плавный занимает положение между ними при перестановке.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доклад рассмотрел ряд трактовок судьбы славянских дифтонгов на плавных. Некоторые исследователи грешат тем, что считают корневой гласный кратким в лехитско-лужицкой группе *trot*, хотя легко можно доказать обратное. Приняв тезис о долготе этого гласного, настоящий доклад показал, что

по всему славянскому миру действовали примерно те же самые правила изменения дифтонгов на плавные. Самые существенные различия и изоглоссы появились благодаря различиям в относительной хронологии этого процесса. Разницу между долгой гласной *o* и полногласием можно объяснить фонемным статусом гласного, предшествующего плавному. В свою очередь, этот статус (или один долгий сегмент или два кратких) зависит от времени просодического сокращения, что фонологизировало новую долготу перед плавным в лехитско-лужицкой зоне.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ANDERSEN Henning, 1973, Кількісні зміни та розвиток сполук (T)ORT у спільнослов'янській мові, [в:] *Streszczenia referatów i komunikatów. VII Międzynarodowy Kongres Słowistów, Warszawa, 21–27 VIII 1973, Warszawa, c. 10–11*
- ЯКОВСОН Roman, 1952, On Slavic diphthongs ending in a liquid, „Word”, 8 (4), c. 306–310
- ROZWADOWSKI Jan, 1909, [рец.:] С. Кульбакин, К вопросу о польском *ro*, „Rocznik Słowistyczny”, 2, c. 186–189
- СТІБЕР Zdzisław, 1962, *Rozwój fonologiczny języka polskiego, Warszawa*
- СТІБЕР Zdzisław, 1969, *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich, Warszawa*
- TIMBERLAKE Alan, 1985, The metathesis of liquid diphthongs in Upper Sorbian, „International journal of Slavic linguistics and poetics”, 31–32, c. 417–430
- Зализняк Андрей А., 2004, Древненовгородский диалект, Москва
- КОЛЕСОВ Владимир В., 2005, История русского языка, Москва

Ronald F. Feldstein

CONTRADICTORY QUANTITATIVE LIQUID DIPHTHONGAL REFLEXES IN POLISH, OF THE TYPE *PLÓTNO, KRÓL, WE MŁODOŚCI*

(Summary)

Numerous proposals have been made concerning the historical derivation of the wellknown Polish *trot* reflexes, which I derive from the Common Slavic construct **tǎrt*, in which both the vowel and the liquid are originally one-mora in length. The most controversial issues relate to whether the vowel is actually *o* or *a* at various stages of the development and whether it is quantitatively long or short. The older tradition, including a 1952 paper by Jakobson, viewed modern Polish *o* of *trot* as an original short vowel and the *a* of South Slavic and Czecho-Slovak *trat* as a generalization of length. Jakobson considered that both Lekhitic-Sorbian and East Slavic reflexes (his **tǎrot* and **torot*) had two short (one-mora) vowels in their reflexes. However, this does not account for the fact that Polish

o in *trot* behaves as a long vowel in its prosodic evolution (*ó* reflex in accentual paradigm B, e.g. *plótno*, *król*, etc.). In other words, the Polish *trot* derives from **trōt*. How then can we account for the evidence of an additional mora to the left of the liquid (evidenced by *we młodości*), as discovered by Rozwadowski? Timberlake's 1985 paper relies on the concept of gradual change, using fractional mora sizes (always adding up to two) to explain the anomalies. The present paper proposes another explanation: if the change of short *ǎ* > *ǫ* preceded the loss of the liquid's moraicity in **tōrt*, the liquid's loss of a mora and leftward compensation yielded the sequence **tōōrt*. Liquid metathesis is the next major event for this sequence; since it specifies the liquid's retraction by one segment, everything depends on whether *ōō* is phonemically one long segment or two short ones: the former would give *trōt*, while the latter would give pleophonic *tōrōt*. The prosodic shortening of accentual paradigms A and C would have been the major factor in phonologizing *ō*, by creating a series of long and short mid and low vowel phonemes (e.g. [ǎ, ā, ǫ, ȍ] in the back vowels). Therefore, I conclude that any metathesis before the prosodic shortening (when [ȍ] was not yet phonemic) would have resulted in pleophonic reflexes; this can explain East Slavic pleophony, where quantity was lost and no new quantitative oppositions were created by prosodic shortening. The Polish *trōt* reflex can then be derived by assuming that metathesis occurred after *ō* became a phoneme, guaranteeing a retraction of the liquid to the left of the *ō*, analogous to the more southerly development of *trāt*, where the phonemic status of *ā* was never in doubt.